

*Межстилевая интерференция
как доминанта стилистико-речевого
поведения в русской словесной
культуре эпохи
Великой отечественной войны*

ОЛЬГА В. ПРОТОПОПОВА
(Пермь)

Объектом исследования, представленного в данной статье, явились тексты начального периода ВОВ 1941–1945 гг.: сводки Советского Информбюро (далее СИБ), директивы руководства страной и армией, появившиеся в открытой печати лишь в 90-е годы XX века. Названные тексты различной жанровой-стилистической принадлежности представляют значительный интерес и для историков, и для лингвистов как яркое свидетельство эпохи, в том числе и речевого поведения в тот период.

Предметом рассмотрения в данной статье выступает межстилевая интерференция публицистического и делового стилей, основанная на изменении интенциональности – целенаправленности речи эпохи, поскольку в отдельных коммуникативных ситуациях, помимо основных, появлялись еще и дополнительные речевые задачи. Предполагаем, что взаимодействие, взаимовлияние функциональных стилей в эпоху ВОВ было столь значительным, что может рассматриваться как доминанта стилистико-речевого поведения русской словесной культуры в тот трагический период. В те годы коренным образом изменился уклад жизни в стране

после перевода его на военные рельсы с подчинением нуждам фронта всего, от экономики до культуры и искусства, которые сыграли особую роль в духовном противостоянии с фашизмом. Патриотическая составляющая стала ведущей и в отечественной словесности, в речевых произведениях различной жанрово-стилистической принадлежности, что, на наш взгляд, отражается в межстилевой интерференции, проявлениям которой посвящен наш анализ. Проникновение средств и приемов художественной и публицистической речи в документные тексты соответствовало духу времени, это было необходимо: приданием торжественности и возвышенности воспевались герои и их подвиги, выражением презрения, пренебрежения критиковались враги, как внешние, так и внутренние, преступники и отступники. Так в деловой словесности тоталитарного государства с усиленным идеологическим контролем над всем и вся обнажился стиль военной эпохи, во многом преемник риторики 30-х гг. с их ожиданием скорой победоносной войны, престижем военной службы и призывами к бдительности. «Тотальная подозрительность соседствовала с тотальным же доверием к вождям, которые, однако, могли мгновенно превратиться во “врагов народа”» (Герман 1989: 477).

Выбор конкретных текстов для анализа определялся их значимостью для эпохи. С учетом коммуникативной целеустановки документа боевые сводки отнесены к осведомляющим, директивы – к предписывающим текстам, что соответствует предлагаемой нами классификации жанров официально-делового стиля по основным формам деятельности (Дускаева, Протопопова 2011: 95).

Касаясь документного наследия периода ВОВ, С. П. Кушнерук обоснованно отмечает определенное развитие параметров распорядительных жанров, а также появление новых форм – сводок и сообщений СИБ, «потрясающего по содержанию и по лингвистическому составу массива документных текстов» (Кушнерук 2010), что и стимулировало наше пилотное исследование.

Нелишне напомнить, что Совинформбюро как партийно-политический орган по руководству советскими СМИ и по распространению их публикаций в стране и за рубежом было образовано постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24.06.1941 г. СИБ было призвано формировать общественное сознание как в Советском Союзе, так и за рубежом, сообщая в печати и по радио о боевых действиях, жизни страны и международные

события. В соответствии с задачей Информагентства – руководить освещением событий в стране и мире, на фронтах, организовывать контр-пропаганду относительно гитлеровских СМИ, публиковать боевые сводки по материалам Главного Командования КА – начальником СИБ был назначен секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии А.С. Щербаков, считавший и это агентство, и другие СМИ инструментом политики, проводимой партией большевиков, и пропаганды социалистического строя.

В годы советской власти изначальная функция СМИ *информировать* постепенно оттеснялась *агитационно-пропагандистской* (шире воздействующей, персуазивной) функцией (Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 343) ради идеологического влияния на массы. Естественно, что в условиях военного времени материалы, публикуемые СИБ (а были они чрезвычайно разнообразны – от боевых сводок Генштаба КА, актов и других материалов о зверствах и варварстве фашистов, рассказов очевидцев до произведений художественно-публицистического характера, адресованных прежде всего зарубежным читателям, но распространявшихся в стране Советов), в соответствии с идеологической установкой должны были убеждать в справедливости борьбы с захватчиками, в неизбежности возмездия им, призывать к доблести, героизму, укреплять веру в грядущую победу и, в целом, формировать выгодное для нашей страны общественное мнение и ее положительный имидж. Информирова, СИБ выражало партийно-государственную оборонительную, освободительную политику, справедливость которой не ставится под сомнение, а главное – это сочеталось с народными устремлениями.

Страна жила ожиданием сводок СИБ, которые печатались в советских газетах, читались по радио Юрием Левитаном, чей неповторимый голос можно назвать оружием Победы. Интерес к сводкам был огромен, их воздействие велико, они обсуждались в коллективах и семьях и даже тайно распространялись на оккупированных территориях. Военная информация в первые два года доводилась до населения очень оперативно, в ежедневных утренних и вечерних выпусках «От Советского Информбюро», в дополнение к которым с 22.11.1941 по 11.03.1943 г. стали выходить отдельные сообщения «В последний час» о победах РККА. С их ростом с 1943 г. начали ограничиваться одной ежесуточной оперативной сводкой. В конце ВОВ публикации агентства были изданы в виде 8-томника «Сообщения Информбюро», размещенных в хронологическом порядке

с 25.06.1941 г. до 15.05.1945 г. К сборнику прилагался Справочник с алфавитным, географическим и т.п. указателями (Никулина, Сорока). Сегодня ознакомиться с этими бесценными материалами можно в Интернете (см. Солдат.ru).

Проявлялось ли взаимодействие функциональных стилей в материалах СИБ? Сообщения и оперативные сводки Главного Командования КА, как документы информирующие, отличались лаконизмом и сдержанностью, особенно в начальном периоде ВОВ, когда сведения из войск поступали с перебоями, с опозданием и были весьма неутешительны и тревожны. Поэтому СИБ сразу стало приводить описания боевых эпизодов и подвигов красноармейцев: всего за годы войны были названы 14 470 фамилий отличившихся военнослужащих. Так, большой резонанс получило сообщение Информбюро от 5 июля 1941 г. о подвиге летчика Николая Гастелло:

Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя. (Цит. по *От Советского...*, т. 1: 31)

Лексемы *герои, бесстрашный, героический подвиг* (последнее словосочетание, строго подходя, следует считать плеонастическим) выражает оценку действия воина, имя которого узнала вся страна. В целом сообщение благодаря указанию на понесенный противником урон (*скопление, десятки... машин и цистерн*) и яркой лексике оказывается весьма впечатляющим, воздействующим.

Другой важной коммуникативной установкой сводок было противопоставление советского героизма и стойкости – подлости, жестокости, бесчеловечности врага, выраженное лексически так: *исключительно упорное сопротивление, нанесли большой урон, ожесточенные многодневные бои, оставили, заняли, с большими потерями для врага, решительная атака – разграбили и разрушили, превращены в развалины, грабят, жгут, расстреливают, казнили* и т.д. Используются и более экспрессивные лексемы *истребили, овладели, беспримерный героизм и мужество, героический, ценой огромных жертв, фашистские палачи, немецкие изверги*. Более выразительны благодаря окрашенной лексике сообщения о победах и героизме советских военнослужащих (см. сводки о героической обороне

Севастополя (лето 1942 г.), разрушении фашистами Новороссийска летом 1943 г. и др.). Как видно, на лексическом уровне в сводках СИБ обнаруживается использование слов и выражений, заимствованных из публицистических или художественных текстов, обусловленное целью воздействовать на настрой, эмоциональное состояние людей на фронте и в тылу.

Остановимся на обязательном качестве сводок и сообщений СИБ (как любого другого делового текста) – точности особого рода, не допускающей инотолкования. Как осведомляющие, констатирующие, эти тексты должны обеспечивать точность предметную, т.е. объективно описывать ход военных действий (события), их результаты (поражение или победа), участников (действующие лица, персонажи). На первый взгляд кажется, что сводки и сообщения точны, фактологичны и тем самым убедительны.

Так, лексически это действительно достигается употреблением военной терминологии и фразеологии, например: *противник, развивать наступление, вели бои на всем фронте, вклинился в сторону, отбивали атаки, овладеть городом*. Большой конкретизации событий способствуют имена собственные: топонимы (от Балтийского до Черного моря, г. Истра, Севастополь, в районе Моздока), антропонимы, называющие главным образом героев (*Гастелло, Гусаров, Рокоссовский*).

Морфологически точны тексты благодаря тому, что необходимые указания на пространственные и временные координаты боевых действий осуществляются при помощи предложно-именных сочетаний, наречий, числительных, предлогов и союзов: *до подхода частей, десятки машин, вместе с самолетом, с рассветом 22 июня 1941 года, в течение 16 апреля* и др.

На синтаксическом уровне очень часто встречаются уточняющие конструкции типа: *войска, расположенные южнее Ладожского озера, преодолевающая упорное сопротивление противника, овладели городом Краков – мощным узлом обороны немцев, прикрывающим подступы к Домбровскому угольному району* и т.п. Распространены предложения с рядами однородных членов: *до 300 000 своих солдат, свыше 400 танков и до 900 самолетов; расстреливают стариков, женщин и детей*.

В то же время трудно ручаться за предметную точность текстов при указании потерь с обеих сторон хотя бы потому, что «боевая сводка Совинформбюро, проходя путь от Генерального штаба до диктора радио-

комитета, претерпевала значительные изменения. Окончательный вариант принадлежал А. С. Щербакову, который руководствовался одним правилом – чтобы соотношение потерь всегда было в пользу КА... Сопоставляя «Сообщения Советского Информбюро» по цифрам боевых потерь с материалами черновых записей А. С. Щербакова, можно сделать вывод, что цифровой материал сообщений не соответствовал действительности и составлялся в пропагандистских целях» (Никулина, Сорока). Справедливости ради следует сказать, что в условиях информационной войны не гнушалась дезинформацией и противная сторона, тоже скрывавшая цифры своих потерь на Восточном фронте, фабриковавшая легенды о разгроме Красной Армии, о числе пленных и т.д. Так противник, в свою очередь, воздействовал на население временно оккупированных территорий СССР, на советских солдат и на мировую общественность, а прежде всего стремился поддерживать боевой дух вермахта и шовинистический угар населения Германии. Очевидно неизбежной становилась взаимная контрпропаганда, развернувшаяся между двумя Информбюро – Советским и Германским. Известно, что и военная, и духовная победа остались за советской стороной. А цена как победы, так и поражения все еще неизвестна: данные о людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. до сих пор считаются приблизительными и спорными.

Как видим, осведомляющие тексты в жанре сводок и сообщений СИБ своей сжатостью, ясностью и относительной точностью в целом соответствуют требованиям официально-делового стиля, обладая при этом своеобразной выразительностью, не связанной с образностью. Но в то же время в текстовую плоскость вплетаются эмоционально и экспрессивно окрашенные средства, придающие тексту публицистичность. Вот характерный пример из известной статьи Ильи Эренбурга *О ненависти* (1942 г.), в которой использованы говорящие за себя синонимы к нейтральному выражению «пехота противника»:

для нас гитлеровцы не просто противники: для нас гитлеровцы не люди, гитлеровцы для нас – убийцы, палачи, нравственные уроды, жестокие изуверы... (Цит. по: *От Советского...*, т. 1: 189)

Наш анализ выявляет подобную лексику и в материалах СИБ, прежде всего в посвященных особо драматическим событиям, когда для передачи эмоционального накала оправданно привлекаются средства публицисти-

ческого и художественного стилей, чтобы реализовать, в соответствии со стилем эпохи, дополнительную целеустановку воздействия на дух, чувства, настрой людей на фронте и в тылу.

Обратимся к текстам-предписаниям, воплощающим коммуникативную установку строго обязательного указания, неисполнение которого влечет за собой наступление ответственности. Точное изложение направлено на прояснение всех обстоятельств и условий исполнения предписаний (чаще коллективным адресатом). Исходя из представления, что в трагические моменты истории руководство, выражая категорический императив, прибегает также к убеждению подчиненных в неизбежности, целесообразности выполнения предписываемых действий.

Обратимся к анализу в документах эмоционально-экспрессивных средств.

Как именно отразился дух времени на предписывающих текстах, имевших более длительные традиции, в отличие от фронтовых сводок? Особого рассмотрения заслуживает директива руководства СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей (29.06.1941 г.), с установкой на перестройку всей работы в стране на военный лад. Сущность документа можно свести к формуле «Все для фронта, все для победы!». Как обязательное для исполнения руководящее указание, директива начинается жанрообразующей фразой *Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас* и в шести пунктах перечисляет конкретные меры помощи воюющей КА, укрепления ее тыла, организации в уже оккупированных районах партизанской войны, уничтожения имущества и т.п.

Императивность директивы, адресованной широким массам, весьма категорична и выражается лексико-грамматически: *обеспечить, организовать, создавать, всесторонняя, беспощадная, немедленно, требуют, должны угонять* и т.п. При этом предписывающее начало документа усиливается благодаря риторически эффективно сформулированной в п. 1 цели освободительной войны:

В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу. (Цит. по: Лейбович 1993: 33)

Выдвинутый тезис развивается, разворачивается в распорядительной части через перечень обязательных действий, после чего следуют еще три абзаца весьма выразительного заключения, перекликающегося по тональ-

ности с первым пунктом документа. Таким образом создается своеобразная рамка этого не только предписывающего, но и призывающего текста; заявив, что в навязанной фашистами войне решается вопрос о жизни и смерти Советского Союза, быть его народам свободными или впасть в порабощение, руководство далее косвенно выражает призыв к сплочению многонационального населения СССР, к отпору агрессору, как это делали при нашествиях наши предки:

все зависит от нашего умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом. (Цит. по: Лейбович 1993: 34)

При этом наряду со стандартной предметно-понятийной точностью документа, которая обеспечена лексически – употреблением военно-политической терминологии и синтаксически – с помощью однородных членов, перечисляющих предписываемые действия, объекты, подлежащие охране или, напротив, уничтожению в случае отступления КА, на текстовой плоскости проступает выразительность, обусловленная дополнительной установкой воздействовать на массовое сознание. Экспрессия создается такими изобразительными средствами, как окрашенная лексика, характеризующая внешнего (*шпионы, диверсанты*) и внутреннего (*пособники, паникеры, дезертиры*) врага, антонимы (*жизнь и смерть*), синонимы (*всюду и везде*) или отрицательные конструкции *не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона* и др. А фраза *враг коварен, хитер, опытен в распространении ложных слухов* (Лейбович 1993: 33–34) стала поистине крылатой.

Примером проявления экспрессии можно считать и преамбулу к постановлению ГКО (Государственного Комитета Оборона) от 19 октября 1941 г. о введении в Москве осадного положения: ***Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах ... поручена командующему Западным фронтом...***

Архаизм *сим* (от сей) восходит к старому приказному языку, а оборот *Сим объявляется* можно считать канцеляризмом устойчивой синтактико-стилистической структуры, широко применявшимся в деловой речи вплоть до 20-х гг. прошлого века. Обращение к подобному выражению в постановлении 1941 г., очевидно, не случайно и продиктовано установкой придать высказыванию официальную торжественность, приподнятость, особую значимость, связать с победами предков.

Вот как описывал впечатление от этого приема Д. Ортенберг:

Такой оборот речи, непривычные слова, извлеченные из глубин древности, придали постановлению особое звучание. Наверное, Сталин обратился к стилю старинных русских указов для того, чтобы все прониклись чувством исторической ответственности за проживаемые дни. (Ортенберг 1984: 220)

Установка на патетику реализуется в тексте и далее, например с помощью использованных в распорядительной части лексем *воспретить*, *строжайшего (порядка)*, *возложить*, *немедленно привлекать*, семантика которых подчеркивает категоричность предписания (что и является их первичной функцией). Показательна концовка текста с прямым призывом ГКО к трудящимся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать КА всякое содействие в обороне Москвы.

Все указанные средства и приемы переплетаются, взаимодействуют на текстовой плоскости, создавая яркий эмоционально-экспрессивный тон, не противоречащий целеустановке документа строго предписать исполнение определенных действий, воздействуя при этом на сознание граждан, внушая им веру в победу, призывая к защите Родины, патриотическим чувствам, всегда свойственным нашим народам.

В целом документ производит сильное впечатление и сегодня как достаточно детализированный, мобилизующий, призывающий. Не случайно Д. Ортенберг назвал директиву программой советского народа в Отечественной войне и сравнивал с декретом 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!», словно написанным и для 1941 г. (Ортенберг 1984: 17). Таким образом, и в первых документах Советской власти, и в текстах военной поры проявляется взаимодействие публицистического и делового стилей, ведущее к появлению эмоциональности и экспрессивности, торжественности. Объясняется это тем, что самым важным для страны, народа стало отражение агрессии, сплочение всех сил ради этого, к чему была призвана и культура, сыгравшая важную роль в духовном противостоянии с врагом, с его пропагандой. Патриотическое начало проявлялось в разных словесных жанрах, от публицистики и художественных произведений до военных документов, причем в явной эмоционально-экспрессивной манере.

Не имея возможности подробно рассмотреть такие знаменательные распоряжения, как приказы № 270 от 16 августа 1941 г., № 277 от 28 июля

1942 г. (известный как «Ни шагу назад!») или директива Сталина командованию Ленинградским фронтом от 21 сентября 1941 г. и другие, лишь отметим явную риторичность этих документов. В них, с одной стороны, задавалась модель поведения защитника, патриота, а с другой – рисовался образ врага, и внешнего и внутреннего, чтобы затем жестко предписать действия по разрешению сложившейся в определенный момент коллизии. Оценка поведения и действий не только рациональна, но и эмоциональна. Эмоционально-окрашенная лексика и экспрессивный синтаксис, средства из художественной и публицистической речи органично вплетаются в ткань официально-деловых текстов, способствуя, однако, эмоциональному подчеркиванию в них императивности.

В качестве резюме скажем, что анализ показал сближение, казалось бы, полярных жанров в применении стилистически маркированных средств – этот отпечаток несла вся словесная культура того времени. Признаки межстилевой интерференции были обнаружены в текстах распорядительных жанров: на лексическом уровне в эмоционально окрашенных словах и выражениях, на уровне грамматики в употреблении конструкций экспрессивного синтаксиса. Все это объясняется необходимостью реализовать интенции воздействия на чувства, моральный дух советских людей, для воодушевления на борьбу и осознанное выполнение предписываемых действий. Однако наиболее существенным признаком, доминантой эпохи ВОВ в словесности стало воплощение насущных велений времени: «Все для фронта, все для победы!», «Вставай, страна огромная...», выраженных в категоричной форме, поэтому экспрессивные средства способствовали еще более мощному звучанию императива в этих документах.

Литература

- Герман М., 1989, *Политический салон тридцатых. Корни и побеги. – Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма*, Москва.
- Дускаева Л. Р., Протопопова О. В., 2010, *Речевые особенности законодательных жанров официально-делового стиля. – Речеведение: современное состояние и перспективы. Материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею М. Н. Кожинной (Пермь, 16–20 ноября 2010 г.)*, Пермь.
- Дускаева Л. Р., Протопопова О. В., 2011, *Стилистика официально-деловой речи*, Москва.

- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А., 2008, *Стилистика русского языка*, Москва.
- Кушнерук С. П., 2010, *Лингвистическое исследование документов советской эпохи. Лингвистические основы документной коммуникации*, http://lingvodocum.ru/dokling/sergey-petrovich-Kushneruk_Dokumentnayalingvistika/18.html (дата обращения 7.01.2012).
- Лейбович О. Л., 1993, *Россия 1941–1991. Документы. Материалы. Комментарии*, Пермь.
- Никулина Н. Ю., Сорока З. Н. *Советское информационное бюро в годы Великой Отечественной войны (анализ источников)*, Библиотека Гумержурналистика, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/gurn/Article/Nik_SovinfB.php (дата обращения 7.01.2012).
- Островский В. П., Старцев В. И., Старков Б. А., Смирнов Г. М., 1992, *История Отечества*, Москва.
- От Советского Информбюро... 1941–1945*, в 2-х т., 1984, Москва.
- Ортенберг Д., 1984, *Июнь–декабрь сорок первого: Рассказ-хроника*, Москва.
- Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А., 2000, *Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней*, Москва.

*Between-style interference as the dominant
of the stylistic-verbal behavior in Russian verbal culture
during the Great Patriotic War*

The article analyzes the stylistic features of speech during the Great Patriotic War (1941–1945): Reports of the Soviet Information (the SIS), directives governing the country and the army, appeared in the press only in the 1990s. The analysis showed a convergence of seemingly polar genres, stylistically marked in the application of means – the communication was carried out by means of the verbal culture of the day. Signs of between-style interference were found in the texts of administrative genres: at the lexical level – emotive words and expressions, at the level of grammar – structures of expressive syntax. But it is important that all the expressive means do not destroy the basic quality of business texts – the imperative, but rather strengthen it. All this is due to the need to implement the intentions of the impact on the senses, the morale of the Soviet people, to inspire the struggle and inform about prescribed actions.

Keywords: *between-style interference, official business texts, imperparative, expressive language tools.*